

<https://doi.org/10.62837/2025.7.342>

ГАДЖИЕВА ДИЛЯРА ЗУЛЬФУГАР ГЫЗЫ,
доктор философии по филологическим наукам,
доцент кафедры Романо-германской филологии
Бакинского славянского университета
haciveva_dilara@inbox.ru

**ФИЛОСОФСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НЕКОТОРЫХ
ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОЛОЖЕНИЙ РОЛАНДА БАРТА В ТРУДАХ
А.Ф. ЛОСЕВА И РОМАНЕ ДЖОНА ФАУЛЗА «АРИСТОС»**

Резюме

Представленная статья написана на интересную и актуальную тему. Впервые в азербайджанской филологической науке обзорно произведена трансформация идей выдающегося исследователя Роланда Барта на почву работ русского философа А.Ф.Лосева и сочинений современного английского писателя Джона Фаулза. В центре беглого критического разбора оказался его знаменитый роман «Аристос». Статья профессионально грамотно структурирована. Главное внимание сосредоточено на отношении Р.Барта к мифу, которое он тесно привязывает к истории разных эпох. С ним вступает в научную дискуссию философ А.Ф.Лосев, который как абсолютно верно следует из статьи, более всего апеллирует к художественной литературе. В свою очередь мы узнаём об очень интересной и ценностной интерпретации мифов в романе Джона Фаулза «Аристос».

В работе показана трансформация мифологических идей в мировой литературе. Кроме того, автор вводит элементы системы историко-литературных ассоциаций, периодически сравнивает и сопоставляет некоторые интересные идеи.

Ключевые слова: английская литература, филология, мифология, постмодернизм, «магический реализм».

Введение. Прежде чем приступить к реализации темы, заявленной в настоящей статье, считаем целесообразным ознакомить рядовых читателей с именами выдающихся учёных, писателей, философов, историков, общественных деятелей. Роланд Барт – широко известный писатель-постмодернист, создатель особой семиотической (знаковой) системы. А.Ф. Лосев – авторитетный во всём мире культуролог, филолог и мифолог, автор большого количества научных работ. Не менее известного английского писателя Джона Фаулза критика небезосновательно относит к приверженцам

так называемого «магического реализма». По сути дела, это одно из ответвлений русского литературного постмодернизма. Суть данного течения заключается в том, что произведения являют собой пёструю смесь реалистического мышления с выраженными чертами и признаками магии и мистики. Каждый из трёх названных нами учёных в разных областях внесли огромный вклад в сокровищницу мировой литературы и культуры. Надо признать, что он до конца ещё по достоинству не оценён. Так что обращение к их научным трудам и художественным произведениям соответственно следует считать важным, своевременным и актуальным.

Основная часть. А теперь о каждой из личностей мирового масштаба в настоящей статье последовательно. Действительно, Дж. Фаулз во многих своих произведениях, созданных им в разных жанрах, непрерывно оперирует формулами магии и мистики. Как правило, этих элементов у него насчитывается немало, причём, все они, заметим, строго подчинены генеральной сюжетной линии. Одновременно с тем в трудах А. Лосева и сочинениях Фаулза наблюдается опора на мифологию, активным популяризатором которой отчасти являлся Р. Барт. Из отмеченного вытекает закономерный вопрос: а что важно знать современным учёным и даже рядовым читателям по вопросу о структуре мифа.

Прежде всего необходимо строго учитывать (по Барту), **что самый смысл уже является носителем определённого значения. Когда из общего смысла улетучивается всё наносное и случайное, то он элементарно обедняется, история словно автоматически отступает на второй план. А в случае, когда то или иное предложение оказывается выражением (или формой) мифа, то от истории как таковой вообще ничего не остается. Тогда, как уточняет Р. Барт, мифологии начинают подчиняться многие научные дисциплины, без преувеличения сказать, в самом высоком смысле этого слова.**

Завершая этот аспект, Р. Барт в «Мифологиях» приходит к закономерному выводу о том, что следует дать не только основные (то есть автором и нами уже перечисленные), но и некоторые наиболее важные дополнительные характеристики мифа. Что они собой представляют? Во-первых, это мифические понятия, которые **крайне неустойчивы, лабильны и отличаются стандартом, граффаретностью.**

Вдумчивый и ответственный за свой труд исследователь, разумеется, поставит перед собою цель расшифровать миф, уточнить время его зарождения, истоки происхождения, истинные мотивы, связь с деятельностью древнего человека и т.п. Но в таком случае ему в обязательном порядке понадобится приурочить миф к конкретному понятию. Р. Барт полагал, что под этими понятиями почти всегда скрывается нечто священное, сакральное, таинственное. А нередко и

мистическое, за что особенно «хвтался» Джон Фаулз. А именно, такие понятия, как Любовь, Доброта, Здоровье, Гуманизм. Всё это учёный брал с заглавной буквы.

Интересно и другое теоретическое положение Р.Барта. Оно гласит, что миф исконно ничего от глаз человека не скрывает. Основная его функция состоит не в сокрытии внутреннего содержания, а, скорее всего, в деформации первоначального смысла. Правильно истолковывать природу того или иного мифа – это вовсе не означает обращения исследователей или даже рядовых читателей к коллективному бессознательному.

Напротив, заключает Р.Барт, миф показывает, что он предельно отдалён от истины. По его заверению, там, где смысл себя уже полностью исчерпал, как раз и начинает фигурировать миф. Миф словно равнодушен даже к психологической мотивации. Во всяком случае, по Барту, он её и не демонстрирует. Его надо только писателю либо учёному отыскивать, как вторичную рефлексию.

Он, как чётко и совершенно справедливо устанавливает Р.Барт, лишь деформирует общий смысл. Миф придерживается следующей стратегии: я преподношу людям лишь определённую информацию. Её нельзя на беглый взгляд отнести ни ко лжи, ни к истине. Это обыкновенная девиация, то есть, отклонение от нормы. При этом важно подчеркнуть, что природное начало любого мифа всегда превалирует над социальным.

Заметим, что в описанном не только по мнению самого Р.Барта, но и по нашему собственному убеждению, заключён **центральный принцип мифологии – модификации (или трансформации) истории, которая в свою очередь, превращается в природу. Как не вспомнить здесь, что много природного и мифологического одновременно в хорошо известном романе Камала Абдуллы «Неполная рукопись».**

Следующая функция мифа в теории Р.Барта заключается в «похищение языка». Это выражение учёный недаром берёт в кавычки. Требуется пояснение. Данная функция осуществляется мифом весьма своеобразно. Раскроем этот тезис французского мыслителя более подробно. Итак, по мысли Р.Барта, **любой миф трансформирует смысл – в форму. Другими словами, облекается в неё. Вот здесь, собственно говоря, и происходит похищение мифом (или, по-иному, замещение) языка.**

Спрашивается: что же тогда взамен нам предлагает теоретик? Образно выражаясь – бороться против мифологии. Каким оружием? Мифологизировать или рефлексировать его, параллельно создавая как бы мифологию не естественную, но искусственную. Вторично отрефлексированный миф, по мнению Р.Барта, реконструирует его. И получается мифология естественная, материя первичная, подлинная. Если

самый миф – уже в который раз в «Мифологиях» повторяет автор эту мысль, способен похищать исходный язык, то нельзя ли в таком случае «похитить и самый миф?». По Барту, это одна из задач, непосредственно заключающаяся в том, чтобы преобразовать историю – в природу. А это понятие уже вечное, непреходящее. Но учёный одновременно заверял, что понять или распознать суть Природы может только хорошо образованный и тонко чувствующий интеллигентный человек. Возможно, это преувеличение, но таковым было его кредо.

После выхода в свет «Мифологий» один из критиков по поводу создания «искусственных мифов» С.Хит определил здесь даже особый «путь в деле преодоления исходного языка». По теории этого учёного получалось, что критический анализ мифов стоит на «границе логики и литературной практики» [3]. С.Зенкин органично добавлял, что в этом нет никакого парадокса. «Если «миф, - утверждает он, - не подчиняется истине, то его следует максимально к ней приблизить» [3]. Правда, это получается далеко не всегда, то есть, по предположению С.Зенкина, происходит не с каждым мифом. Среди таких «правдивых» оказывается и серия мифов, в частности, носящих социально-политический характер.

Здесь, на наш взгляд, уместно вновь вернуться к некоторым теоретическим положениям Р.Барта. Так, по его идее, эти мифы неизбежно превращаются в «театрально-игровое» действие в силу своей специфики. Кстати сказать, мифология и драматическое искусство весьма родственны друг другу. Тем самым, в представлении учёного, политизация мифов, чаще всего творчество писателей «романным» не делает, то есть не добавляет к ним изюминку художественности. Но вот что он практически не рассматривает, к чему всерьёз не обращается, так это к «переносу» мифологической проблематики на реальную почву XX столетия. Хотя такую задачу по логике изложения основного материала он должен был бы поставить и решать.

Однако, вместо этого он описывает всевозможные психологические опыты, мифологию, включённую в спортивные, музыкальные, искусствоведческие проекты, но никак не социальные. Этим положением, как видим, критик С.Зенкин отличается от ряда воззрений Р.Барта. В добавление предлагаем на рассмотрение такие мифы, которые, с одной стороны, фетишизированы как бы внутри собственной идеи (наподобие кантовской «вещи в себе»), а с другой – почти всегда ассоциируются с неадекватностью внутреннего (сюжетного, если говорить о художественных сочинениях) содержания и выражения. Кстати сказать, такая позиция никоим образом не противоречит учению А.Ф.Лосева. Но об этом мы скажем в статье отдельно.

В качестве примеров можно указать на трансформацию мифологического сюжета о «Ноевом кочеге» Джона Фаулза в одном из

начальных разделов романа «Аристокс». Параграф называется «The Wreck and the raft», что в переводе означает «Кораблекрушение и плот». Перед нами современный аналог Ноева ковчега – плот с модернизированной системой управления. Только вместо легендарного Ноя да каждой твари по паре – представители человечества на этом плоту, плывущие по воле волн на бескрайних водах Мирового океана. По мысли Джона Фаулза, человек сегодняшних дней не удовлетворён многими сторонами будничной жизни.

В морском путешествии он как бы находится на изломе жизненного пути («en passage»), то есть на промежуточной стадии от мифологического прошлого к современности. Необходимо также помнить, что миф о ковчеге – своего рода «миф блаженный». **Что мы имеем в виду? Человек, находящийся на борту такого ковчега, невольно отъединяет себя от разгула морской стихии, моделирует в нём новое сознание. Оно подсказывает ему, какими путями можно переустроить мир по собственной воле.** Но возникает вопрос: а как же это сделать и реально ли вообще?

Но не получается по своей воле. Вывод писателя неожиданный: случайные пассажиры ищут землю обетованную, а её и не предвидится. Человек другой формации уже не обласканный и не защищённый божеством, он полностью безразличен ко всему индивидуальному, «живет в мире, который выжил и продолжает выживать с достаточной неопределенностью». «Любой мир, - в итоге заключает писатель, - есть и всегда будет Ноевым ковчегом, но решительно в видоизмененном качестве» [13, с. 64]. Это оттого, что, по умозаключению автора, человечество в своём многовековом развитии прошло множество стадий, познав массу страданий и лишений на своём крестном пути» [13, с. 65].

Любопытные философские сентенции в решении данного вопроса предлагает нам Р.Барт в анализируемой монографии. Так, он пишет, что плот Ноя, а также его мир, который когда-то был под покровительством самого бога, в сегодняшней интерпретации вызывает лишь улыбку читателей. Да, человек современный нередко ищет посредника и, между прочим, тщетно пытается отыскать виноватого в том, что люди плывут по воли ветра. И вот перед нами уже не обласканный и не защищённый божеством (а читай верховной властью) человек, но, скорее всего, «вечное отсутствие, бесконечная недостаточность, плывущая по... безбрежному океану, который явно полностью безразличен ко всему индивидуальному... Он живет в мире, который выжил и продолжает выживать с достаточной неопределенностью. «Любой мир, - в итоге заключает Джон Фаулз, - есть и всегда будет Ноевым ковчегом, но решительно в видоизмененном качестве». Почему же именно таким представляется писателю обновлённый мир? Потому что, по

окончательному умозаключению автора, человечество в своём многовековом развитии прошло множество стадий, познав массу страданий и лишений на своём крёстном пути» [13, с. 65].

Так происходит по той причине, что основная примета большой европейской прозы наших дней – это заметная осложнённая не только самих художественных структур, но, что главное, миропонимания и мироистолкования авторами немногих значительных произведений, расставленных временем, как важные вехи на его пути. Для всех значительных произведений, созданных выдающимися британскими художниками в наши дни, характерна зыбкость восприятия и отражения мира, неустойчивость моральных и эстетических принципов. Зыбкость эта определяется величайшей сложностью мировой обстановки и соответственно её восприятия европейскими прозаиками, зачастую стоящими на распутье. Учесть надо и другое – воздействие даже на лучших мастеров европейской культуры мировосприятия и вкусов командующего класса. Нельзя пройти и мимо воздействия на них коммерциализации издательского дела и требований, которые она предъявляет и к прозаикам, и к поэтам, и к драматургам.

Хорошо, на наш взгляд, прочувствовал такую ситуацию современный критик-литературовед Сергей Чупринин. Он пишет: «Постепенно в мировой нынешней литературе и культуре уходят в небытие «школы», «течения» и «направления». Они буквально на наших глазах рассыпаются, словно карточные домики. За социальной ширмой беспартийности чаще всего неожиданно кроется самоценность книг самого разного содержания, которые оказываются важнее и выше отдельных тенденций или теоретических положений. И отныне в гораздо большей цене стал опыт художника, а не верность его различным принципам» [14, с. 207].

Невольно задаёшься вопросом: как же в таком идейном разбросе быть с мифологическим искусством на рубеже XX-XXI веков? К какому разряду его отнести и какую позицию занимать передовым учёным? К выяснению этого вопроса вслед за Р.Бартом, в частности, подключился А.Ф.Лосев. Он в своё время (вторая половина и конец XX столетия) выяснил, что некоторые литературные персонажи, заимствованные из мифологии, стали в центре внимания писателей разных национальностей благодаря созданию ими индивидуальных мифологических моделей. Только ясно, что каждый писатель трактует миф по-своему, исходя из субъективных взглядов на него и системы личных литературных ассоциаций. Но в любом случае, верно утверждал А.Лосев, мифология становилась для творцов источником поэтической образности. При этом талантливые художники слова отнюдь не были против того, чтобы избранному ими нейтральному по содержанию мифу добавить какую-нибудь изюминку,

раскрасить его, как говорится, «всеми цветами радуги». А в отдельных случаях, указывал учёный, дополнительные штрихи могли занять различную окраску, например, идеологическую, политическую, историческую философскую, психологическую.

Небезынтересно в заключение заметить, что к такому решению А.Ф.Лосев подошёл вплотную, хотя всё-таки вынуждены сегодня констатировать, что он, к сожалению, широко не развил эти интересные теоретические положения в своих трудах. Во всяком случае, не довёл их до логического конца. Но нам с высоты середины второго десятилетия **XXI века** представляется хорошая возможность сделать необходимые выводы и обобщения. Р.Барт в целях наиболее корректных дальнейших исследований, как видели, предложил ортодоксальный вариант: придать мифу строгий исторический оттенок. А.Ф.Лосев же, в свою очередь, обосновал это не столько с исторической, сколько литературно-художественной точки зрения. Здесь их пути разошлись: сугубо исторический аспект Р.Барта пошёл вразрез идеям русского мифолога. Вместе с тем два крупнейших исследователя основательно доказали, что история неотделима от литературы и мифологии. **И они обоюдно** пришли к однотипному убеждению о тесной связи этих дисциплин или понятий с современностью. В чём же тогда объективно заключается разница? Вероятно, многое зависит от того ракурса, с которого просматривается конкретный миф в творчестве художников слова. Помимо изложенного варианта Роланда Барта и его воплощении в работах А.Лосева и произведениях Дж.Фаулза, всё вышесказанное говорит нам о сложной идейной сущности интерпретации и современных трактовок античных мифов.

Наконец, на наш взгляд, особая сложность заключается прежде всего в том, что мифология и современность – проблема актуальная, в науке востребованная. И примечательно, что данный аспект также был предметом специального исследования в современной филологической науке. И уже не столько с сугубо философских, сколько литературных позиций об этом заявляют Р.Вайман в монографии «Гармонии таинственная власть» [4], **Е.Мелетинский «Поэтика мифа»** [11], А.Гулыга в статье «Миф и современность» [7], Ян Парандовский в статье «Античность и современность» [12]. Блестящие идеи о трансформации мифологических сюжетов находим в работе К.М.Абдуллаева «Тайный «Деде Коркуд» [1]. В последние годы эта проблематика отражена в докторской диссертации А.Гаджиева «Проблема мифологизма и фольклоризма в современной художественной прозе» [5] и в монографии «Русская проза. Опыт мифопоэтического толкования» [6], а также в диссертациях С.М.Ахундовой «Идея бессмертия души человека» (Баку, 1998), С.Б.Бахышовой «Элементы мифа и притчи в современном романе» (Баку, 1997) и других исследованиях.

Литературно-философская и историческая насыщенность работы Роланда Барта «Мифологии», необходимость её правильной интерпретации и стремление к целостному освоению предопределяет использование междисциплинарного подхода, органичное сочетание критического литературоведческого анализа с идеографическим (тематическим) принципом. Используемый в настоящей статье подход может быть назван, скорее, аналитическим. Это значит, что он представляет собой синтез аналитических концепций разбора текста, которые были осуществлены ещё в XX столетии. Это: классический структурализм и постструктурализм (структурная поэтика и мотивный анализ); аналитическая психология в широком смысле (от психоанализа З. Фрейда до учения К.Юнга о коллективном бессознательном); аналитическая философия (философия языка Л.Витгенштейна); философская поэтика М.М.Бахтина и т.д.

Роланд Барт был твёрдо убеждён, что отдельные мифологические сюжеты современными филологами должны быть прослежены в прогоне через эпохи; большие и малые народы со всем строем мысли и суждений, оценками и собственной мерою вещей, приурочивали их к собственным понятиям и национальному менталитету. Это вполне естественный поступательный процесс. По прошествии веков морально-нравственное назначение отдельных мифов нередко воспринимается учёными и рядовыми читателями их исследований как нечто ложное, чуждое её сущности. Но постепенно в мифе улетучивается прежняя реальность, он обескровливается, а новый смысл в свою очередь отныне как бы прирастает к идеалам времени. И что же в итоге? Первоначальная иллюзия мифа становится реальностью и, что особенно примечательно, уже в произведениях мировой художественной литературы функционирует именно как сущность. Именно к такому заключению и пришёл выдающийся французский мифолог

Результаты исследования. Таким образом, аккумулированы основные сведения о богатом научном и творческом наследии трёх современных выдающихся учёных-мыслителей и писателей. Выявлена не только их индивидуальная позиция по узловым вопросам философии, литературы и культуры, но и сведены воедино наиболее общие точки соприкосновения между ними.

Краткий сравнительно-сопоставительный анализ работ Р. Барта, Ф. Лосева и Дж. Фаулза позволил установить и субъективное отношение к мифологии, и дать им предельно объективную оценку.

Практическое значение исследования состоит в том, что отдельные сведения по творчеству названных исследователей можно использовать в процессе преподавания античной литературы и истории философии.

Литература

1. Абдуллаев К.М. Тайный «Деде Коркуд». – Баку: Мутарджим, – 2006, – 346 с.
2. Барт Р. Миф сегодня // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – Москва, – 1989.
3. Барт Р. Мифологии // [http:// labrys.ru/node/2548](http://labrys.ru/node/2548)
4. Вайман С.Т. Гармонии таинственная власть: Об органической поэтике. – Москва: Советский писатель, – 2019, – 365 с.
5. Гаджиев А. Проблема мифологизма и фольклоризма в современной художественной прозе. – Баку, – 1998.
6. Гаджиев А. Русская проза. Вторая половина XX века. Опыт мифопоэтического толкования. – Баку: Китаб адеми, – 2003, – 95 с.
7. Гулыга А.В. Уроки классики и современность. – Москва: Художественная литература, – 2020, – 391 с.
8. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. – Москва, – 1982.
9. Лосев А.Ф. Символ // Философская энциклопедия. – Москва, – 1970.
10. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – Москва: Наука, – 1976, – 407 с.
11. Парандовский Ян. Античность и современность // Вопросы литературы», 1975, – № 12.
12. Фаулз Джон. Аристос. Роман. – Москва: ЭКСМО, – 2019, – 437 с.
13. Чупринин С. Двенадцать мнений о перспективах русских литературных журналов // Знамя, 1997, – № 1, – с. 202-209.

Насијева D.Z.

A.F.Losevin əsərlərində və Con Faulzun "Aristos" romanında Roland Bartın bəzi nəzəri müddələrinin fəlsəfi təfsiri

Xülasə

Təqdim olunan məqalə maraqlı və aktual bir mövzuda yazılmışdır. Azərbaycan filologiya elmində ilk dəfə olaraq görkəmli tədqiqatçı Roland Bartın ideyaları rus filosofu A.F.Losevin əsərləri və müasir ingilis yazıçısı Con Faulzun əsərləri əsasında tədqiq edilmişdir. Onun məşhur "Aristos" romanı tənqidi təhlilin mərkəzindədir. Məqalədə əsas diqqət R.Bartın müxtəlif tarixi dövrlərlə sıx bağlı olan mifə münasibətinə yönəldilmişdir. Məqalədə daha çox bədii ədəbiyyata müraciət edən filosof A.F.Losevin R.Bartla elmi diskussiyası şərh olunur. Məqalədə Con Faulzun "Aristos" romanındakı miflərin çox maraqlı və dəyərli şərhini əksini tapır. Əsərdə dünya ədəbiyyatında mifoloji ideyaların transformasiyası verilir. Bundan əlavə, məqalədə tarixi və ədəbi birliklər sisteminin elementləri təqdim olunur, bəzi maraqlı fikirlər müqayisə edilir.

***Açar sözlər:** ingilis ədəbiyyatı, filologiya, mifologiya, postmodernizm, "sehrli realizm".*

Gadzhiyeva D.Z.

**PHILOSOPHICAL INTERPRETATION OF SOME THE
THEORETICAL PROPOSITIONS OF ROLAND BARTHES IN THE
WORKS OF A.F. LOSEV AND JOHN FOWLES' NOVEL "ARISTOS"**

Summary

The presented article is written on an interesting and relevant topic. For the first time in Azerbaijani philological science, the ideas of the outstanding researcher Roland Barthes have been transformed into the works of the Russian philosopher A.F.Losev and the writings of the modern English writer John Fowles. His famous novel "Aristos" was at the center of a cursory critical analysis. The article is professionally competently structured. The main focus is on R. Barth's attitude to myth, which he closely links to the history of different eras. The philosopher A.F.Losev enters into a scientific discussion with him, who, as it absolutely correctly follows from the article, appeals most of all to fiction. In turn, we will learn about a very interesting and valuable interpretation of myths in John Fowles' novel "Aristos". The paper shows the transformation of mythological ideas in world literature. In addition, the author introduces elements of a system of historical and literary associations, periodically compares and compares some interesting ideas.

Keywords: *English literature, philology, mythology, postmodernism, "magical realism".*

Rəyçi: f.ü.f.d., dos. Qasımova S.C.